

МАКСИМ БУТЧЕНКО

ХУДОЖНИК ВОИНЫ

новое **НВ** время

FOLIO

Максим Анатолиевич Бутченко

Художник войны

предоставлено правообладателями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18574282

*Максим Анатолійович БУТЧЕНКО «Художник війни» (російською мовою). Літературно-художнє видання: Фоліо; Харків; 2015
ISBN 978-966-03-7356-3*

Аннотация

«Художник войны» – это история современной Украины, показанная через призму судеб маленьких людей, участвующих в военном противостоянии на Донбассе. В центре романа реальная история двух братьев: Антона – несостоявшегося художника, который вынужден зарабатывать деньги в шахте. В сердце – нереализованный талант, вокруг – нищета и тяжелый быт. И когда приходит война, главный герой находит себя в «ополчении». Второй брат, Сергей, – полная противоположность Антона, он материально обеспечен, живет за границей и поддерживает официальную украинскую власть. Смогут ли они понять друг друга в мире, где сталкиваются ненависть и любовь, справедливость и жестокость, жизнь и смерть?...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Максим Бутченко

Художник войны

Книга основана на реальных событиях, ее герои – настоящие люди, до сих пор проживающие на Донбассе.

Посвящается моему другу Даниилу Ваховскому, ставшему вдохновителем этой книги, и жене Татьяне Бутченко, которая верила в меня с первого дня знакомства.

Глава 1

В Луганске сепаратисты итурмом захватили СБУ, выбив в здании двери и окна.

Издание «Восточный вариант», 6.04.2014 г.

Луганские сепаратисты с оружием в руках выставили ультиматум и заявили, что если их требования не выполнят, они начнут открытое противостояние. Об этом говорится в распространенном видео захватчиков здания СБУ Луганской области. «Мы, объединенный штаб армии Юго-Востока, обращаемся к народу наших областей: “Если не будут выполнены наши требования, мы вступим в открытое противостояние. Здание областного СБУ полностью под нашим контролем. Наша армия увеличилась, мы готовы отправить резервный отряд в Донецк, если будет необходимость”», – заявили сепаратисты.

Сайт УНН, 7.04.2014 г.

Мужчина средних лет, в простонародье – Петрович, а по паспорту – Коля Чернышев, смачно сплюнул на тротуар и нажал на мобильном кнопку «отбой». Его грубое, словно топором тесанное лицо скривила мина недоумения. Коля-Петрович стоял на узенькой улочке с традиционным для Донбасса названием Московская. Частные дома с серым, местами по-

трескавшимся шифером выглядели, будто старые черепахи, которые почему-то сползались в одно место ровными длинными рядами. Ряд «черепак» уходил куда-то вбок, и, казалось, там они и умирали. Вдоль домов тянулся деревянный забор, в прорези которого был виден весь двор – окраина города Ровеньки, провинциального шахтерского поселения. Местный люд тут в основном работает на нескольких шахтах, рынке и паре-тройке мелких предприятий. Вот и Петрович возвращался домой после смены в шахте, когда ему внезапно позвонили. Звонок этот так его растревожил, что спустя минуту после окончания разговора он снова сплюнул – теперь уже на забор собственного дома. В сердцах громко выругавшись, Чернышев испугал пару дворовых собак, которые, словно поняв, о чем говорит хозяин, глухо залаяли в пустоту. Потоптавшись на месте, Коля собрался было войти во двор, когда навстречу из соседнего дома вышел его сосед Антон Неделков – тридцатилетний худой мужчина с большим носом с горбинкой. Антон деловито направлялся в ближайший киоск за сигаретами.

– Эй, сосед, слышал: «бандеровцы» отправили колонну украинских националистов в город, хотят мужчин вырезать, а женщин заставить работать в полях? Сейчас на перекрестке митинг, поехали, – активно жестикулируя, выпалил Чернышев. В ответ он конечно же ожидал от соседа, как минимум – отборный степной мат, как максимум – состояние, приближенное к обмороку.

После того как экс-президент Виктор Янукович сбежал из Украины, а парламент стал единственным легитимным органом власти в стране, на Донбассе прокатилась волна митингов. Вначале они носили мирный характер, и зачастую их организовывали «регионалы», чтобы доказать Киеву: их еще рано снимать со счетов. Но в Донецке и Луганске многотысячные толпы захватили здания СБУ, милиции, прокуратуры. Впрочем, как стало известно потом, силовые структуры штурмовали разведывательно-диверсионные группы российского ГРУ. Тогда же началась АТО – антитеррористическая операция украинских военных сил. И если основные действия разыгрались в Донецкой области, то в маленьких городках на Луганщине запуганные жители со дня на день ожидали прихода Национальной гвардии. Слухи об этом будоражили всю округу больше, чем если бы по степи поползла чума, косящая все живое.

Вот и Петрович с уверенностью дятла долбал соседа страшными прогнозами. Только вот Антон в истерику не впал и «Спасайся, кто может!» тоже почему-то не закричал.

– Иди, проспись, Коляша, – понимающе сказал Неделков, поворачиваясь к собеседнику спиной.

Слово «проспись» внесло во внутренний мир Петровича колебания, подобные вибрации отбойного молотка. Пять минут он убеждал соседа в том, что Киев направил в Ровеньки войска для захвата города, а на место ровенчан завезут жителей из Прикарпатья. Под конец своего грозного спича о

темном будущем Ровенек взбудораженный Чернышев стукнул по своему забору так, что часть дерева отвалилась и полетела в окно дома...

– Вот видишь, как все плохо, видишь? – почти закричал Петрович и вытаращил глаза, как жареная мойва на сковородке. Антон медленно переводил взгляд с больших глаз соседа то на забор, то на разбитое стекло.

«Наверное, это знак», – подумал он.

Антон верил в символы: в скучной провинциальной жизни он находил следы, кляксы, которые всегда приводили его к чему-то новому. На дороге жизни, лежавшей через светло-желтую степь, покрытую сухой травой, он старался находить зеленое пятно луга.

Поэтому и сейчас согласно кивнул Петровичу: пошли, мол, на митинг. Спустя двадцать минут они уже были на Дьяковском перекрестке, ведущем в город. Перекрыв дорожную часть, на нем стояло несколько десятков митингующих. Среди них – пара дедов, бабушки в цветастых платках, подвыпившие мужики и полная женщина, почему-то притащившая с собой сковородку с зеленым дном. Еще с утра по местному телевидению Ника-ТВ крутили объявление о том, что ожидается приход украинских войск и всех равнодушных просят приехать на выезд из города. Кто-то организовал автобусы, кто-то добрался сам, и теперь все толпились чуть сбоку от трассы. И только самые отчаянные стояли посреди дороги, вглядываясь вперед, будто былинные богатыри,

ожидающие прихода татаро-монгольской орды.

Один из таких богатырей – сильно поддатый мужик, давно не бритый, с темными тенями шахтной пыли вокруг глаз, махал руками, словно руководя движением на трассе. «Богатырь» звался вовсе не по-былинному – Митька Захаров, и в свои под шестьдесят уже был на пенсии, хотя все равно работал – по привычке. Таких как он в городе – десять в четвертой степени. Работают в «забое» – на проходке или обычном участке, а после двадцати лет стажа идут на пенсию по «первому списку» – перечню профессий с особо опасными условиями труда. Но не покидают шахту, а устраиваются на более легкую работу горнорабочими. И вот сейчас, стоя на дороге, Митька чувствовал себя «первосписочником» – боролся с кашлем, похмельем и непрекращающимся движением автомобилей. А «бандеровцы», как назло, упорно не хотели ехать в захудалый городок. Погрозив неведомо кому вдали кулаком, покрытым кривыми полосками въевшейся угольной пыли, глубоко расстроенный Захаров покинул свой пост и, подойдя к толпе, сразу подскочил к микрофону.

– Товарищи, я хочу сказать... – хрипло начал он. Но окончить фразу не успел – женщина со сковородкой выхватила микрофон и с отчаянием домохозяйки, у которой подгорело жаркое, закричала, что ровенчане должны немедленно остановить «надвигающуюся на город “коричневую чуму”». Поддатый Митька хотел было продолжить свое решительное обращение к товарищам, и попытался вырвать микрофон у

сковородочного оратора. Но, почуяв неладное, толстая женщина с тонким чутьем моментально совершила маневр: размахивая кухонной утварью, «ненароком» зацепила ею поддатого мужика. А если быть до конца откровенным, просто со всей силы дала ему в подбородок так, что тот рухнул на асфальт.

– Люди добрые, вот смотрите: в обморок упал, не выдержал напряжения! – буквально в процессе падения поддатого сформулировала женщина со сковородкой. – «Бандеровцы» с нами такое же хотят сделать, чтобы мы с ног попадали!

Антон криво усмехнулся. Это действие придало войне с мифическим врагом, якобыдвигающимся в сторону провинциального городка, комичный оттенок. Большая часть людей на митинге – неработающие или пенсионеры. Казалось, ангел тех, «кому за 50», от нечего делать вдруг решил собрать подопечных в одном месте – в «группу по интересам». Одни вот в домино у подъезда режутся, другие опрокидывают по «чинарику» у подъезда, а эти, самые отчаянные, идут грудью под танки врага.

Когда он уже собирался уходить, к микрофону подскочил здоровенный парень с георгиевской ленточкой в петлице черной куртки и битой в руке. При этом волосы у него были собраны в японскую косичку.

– Когда они подъедут, давайте поступим с ними так, как они поступали с бойцами «Беркута» на Майдане! – кричал «японец».

Толпа загудела, как растревоженный улей.

– Просто берем элементарно коктейль Молотова и закидываем их точно так же, как они поступали, блин, с нашими «беркутовцами»! – продолжал вещать детина с битой. – Я вам говорю: берем бутылки, топливо и тупо палим их, палим и палим! Выпалим их нахер отсюда с нашей родины и все! О чем еще можно говорить? Сколько можно? Давайте действовать!

Речь «имени Молотова» толпу взволновала. Кто-то кричал, что нужно строить баррикады, бабушки вопили, что необходимо идти крестным ходом против «нечисти майдановской», и «изгонять сотану водою святаю». Митяня, наконец-то пришедший в себя, вырвал микрофон у очередного вопящего дедушки, вспоминавшего, «как пахнут немецкие сапоги, топтавшие ровеньковскую землю».

– Товарищи, я хочу сказать... – хрипло сказал Митька, озираясь по сторонам.

На секунду он запнулся и продолжил уже более задушевым голосом:

– Товарищи... Товарищи!.. А пойдёмте лучше опохмелимся!

Народ загудел, как трансформаторная будка в вечерние часы. Смеркалось, и митинг тихо сдувался, подобно воздушному шару, который вместо того чтобы устремиться в небо, лежал на земле и больше напоминал известное резиновое изделие.

Антон попытался отыскать глазами Петровича, но тот как назло куда-то запропастился. Нужно было возвращаться. Мгла мягкой макияжной кисточкой постепенно размазывала лица, деревья, указатель «Ровеньки». Фигуры оставшихся блуждали вдоль трассы, как тени их предков, которые семьдесят три года назад так же выходили на борьбу с фашизмом. Только теперь эти тени мелькали в густом весеннем воздухе, не находя покоя и пристанища.

Глава 2

Депутаты Луганского горсовета требуют декриминализации захватчиков СБУ. «Необходимо на законодательном уровне в кратчайшие сроки придать русскому языку статус второго государственного и раз и навсегда поставить точку в противостоянии. Мы единый народ, и искусственное обострение языкового вопроса не сможет нас разделить. Самое главное – не допустить кровопролития», – заявляют депутаты горсовета. При этом они считают, что Сожители Луганска против любых проявлений радикализма и экстремизма, какими бы благими целями они ни объяснялись, но они устали от постоянных потрясений, они хотят стабильности, уверенности в завтрашнем дне, уверенности в личной безопасности – своей и своих близких».
Сайт «Подробности», 11.04.2014 г.

Уже под вечер Антон переступил порог своего дома, но вдруг понял, что забыл купить сигареты. Недовольно вздохнув, он засобирался было назад к киоску, как вдруг навстречу ему выбежала младшая дочка – Диана. Лицо Антона непроизвольно расплылось в улыбке. Диана протянула руки к папе, который поднял ее, будто игрушку. Как же она выросла!

Три года прошло со дня рождения дочери. В день, когда

Диана появилась на свет, он приехал из Луганска буквально высушенный – как будто из 60 % воды в организме осталось всего 10 %. Это была его третья попытка поступить в Луганский национальный университет им. Т. Шевченко на факультет изобразительного искусства. Третья – и последняя. Все его потуги стать профессиональным художником закончились в момент, когда он в очередной раз провалил экзамен.

А ведь он еще с детства хорошо рисовал, а первый по-настоящему дельный пейзаж изобразил старыми советскими красками лет в десять: глубокая, лимонно-желтая степь, мягкие, покатые холмы, словно придавленные друг к другу, тянулись к горизонту. А вдалеке закат алыми пятнами подпалил темную пирамиду террикона.

Это был необычный рисунок. Антон, как и все дети, баловался, гулял, не слушался. И засадить его за стол было делом непростым. Но зато, когда он начинал рисовать, то не мог остановиться, пока не закончит.

Отец тогда посмотрел на картину, потом на худенького курчявого Антона, смиренно сидевшего за столом и делавшего набросок следующего рисунка, и просто промолчал. Но в этом долгом молчании как будто сконцентрировались все несбывшиеся надежды отца. Он погладил Антона по голове и сказал: «Ты – как я».

Прошло двадцать лет, а Антон помнил эти слова, словно они были сказаны вчера. Правда, глубокий смысл этой ко-

роткой отцовской фразы он понял гораздо позже.

– Папа, папа, сево ты молсис? – Слова маленькой Дианы вернули ушедшего в себя Антона в действительность. Мотнув головой, он, словно пепел с сигареты, постарался стряхнуть с себя мысли.

– Доченька, папа думает, это иногда полезно, – усмехнулся он.

В этот момент вошла Любка, жена Антона. Полная женщина с испитым лицом, не сказав ни слова, забрала дочь и отнесла ее в другую комнату, закрыв за собой дверь. Пятый день они не разговаривали. Хотя – пятый ли?

Все началось с его первого поступления в вуз. Тогда они еще встречались, вместе ходили по барам, и как-то уже подвыпивший Антон рассказал Любке свою историю: с детства он мечтал стать художником, выставляться в столичных галереях и зарабатывать на жизнь искусством. Любка чуть не поперхнулась пивом. Какое искусство? В шахту нужно идти работать! Как иначе в этом городе зарабатывать себе на жизнь?

На этот вопрос Антон тогда ответить не смог, а зря. Спустя два месяца после этого разговора Люба забеременела, а через четыре они поженились. Он помнил момент, когда они стояли в одноэтажном здании поселкового совета Кленовый. У молодой семьи не было денег, чтобы расписаться в городском ЗАГСе: там нужно было заплатить 200 гривен, а в поселковом совете это удовольствие стоило всего 80 копеек.

Председатель сельсовета – грузная тетка в длинном светлом платье с увядшими тряпичными красными розочками – торжественно, с надрывом, словно сожалея о днях своей молодости, объявила их мужем и женой. А потом нажала кнопку магнитофона, и грянул – нет, бахнул – марш Мендельсона. Молодые испуганно смотрели то на председателя, то на ее вздымавшуюся, словно девятый вал, прическу. Три человека в одной комнате – вот и все торжество. А потом был семейный «вечерок»: в частном доме тещи собрались родители, сестры и дяди. Антон сидел во главе стола, обнимая ту довольно широкую часть тела Любы, которую у других женщин называют талией. Громыхала музыка 90-х, разнообразные салаты подпрыгивали в ритме сто двадцать ударов в минуту, пустые бутылки выстроились, как отстрелянные гильзы, а родная сестра невесты строила глазки молодожену. Мама Антона, сидя в кресле, грустно созерцала, как ее сын то и дело подливает себе и новоиспеченной супруге.

Родной брат жениха Сергей топтался у входа в комнату и немного брезгливо оглядывал гостей. То, что они братья, визуальным никаким образом не заметно – Антон высокий и кучерявый, с грубыми, угловатыми чертами лица, а Сергей среднего роста с мягкими линиями лица и «гусиным» носом. Разница между ними пять лет, но такое ощущение, что временной разрыв достигал иногда почти пятидесяти.

В детстве во дворе, где они жили, частенько затевались драки – между собой или с ребятами из соседнего двора.

Сергей поглядывал за своим братом, но мало когда вникал в его детскую жизнь, наоборот, частенько защищал не Антона, а соседа, рядом живущего на площадке, – Женю. Почему так? На этот вопрос он почти никогда не искал ответа, и даже не задавал его себе – просто делал.

Между братьями всегда протягивалась линия отстраненности. Родственная близость носила неосознанный характер, словно кто-то навязал это чувство, а оно не было рождено в глубинах души. Долгое время эта братская непохожесть незаметно разводила их в противоположные стороны.

Ему даже тяжело было вспомнить совместные игры на улице. Однажды они дома брызгали из бутылок водой друг на друга, вся квартира была в потеках воды. Мама вышла в магазин, а когда пришла – ахнула. Схватила ремень и побежала за Сергеем.

– Это не я придумал, – кричал он матери. – Я не виноват, – продолжал оправдываться Сергей, закрывшись в ванной, – это Антон начал.

– Открой, я тебе дам Антон, ты старший, своя голова должна быть плечах, – тарабанила по двери мама. А в это время младший прятался под диваном в спальном комнате.

Так и на свадьбе два брата находились в разных углах комнаты. Торжество было в самом разгаре.

Гости топтали пол под очередную песню о несчастной любви, а соседская кошка Туся осторожно прогуливалась по пустым стульям, норовя стащить со стола грязной лапой ку-

сочек счастья.

Первый день новой семьи начался под аккомпанемент глухого, но мощного сопения молодой жены. Антон проснулся и схватился за голову: ее буквально разрезала на части пронизывающая боль. Большую часть кровати занимало грузное тело новоиспеченной супруги. Антон посмотрел по сторонам. В углу лежали подарки: ярко-красно-синий столовый сервиз, пара одеял, картина, изображающая полуобнаженную худую девушку на фоне египетских пирамид, набор китайских ножей и куча цветов, сорванных, видимо, на соседском огороде.

Полдня супруги провалялись в кровати, а под вечер решили прогуляться по улице. Любка с трудом натягивала на крупные свои плечи цветастое платье. Она стояла у зеркала, отделенная от него частоколом дешевой косметики, лака с кровавыми потеками на флаконе и недопитой бутылки шампанского, которую она еще вчера притащила с банкета. Все бы ничего, но платье обтянуло ее увесистый бюст, а дальше комкалось и никак не желало опускаться. Любка замычала. Ее голые рыхлые ляжки бессильно дрожали от нетерпения, руками она тянула платье вниз, но ткань упрямо остановилась, не дойдя до талии. Антон лежал на разостланной кровати и смотрел, с каким отчаянным упорством старается Любка надеть на себя наряд.

Это зрелище его забавляло, он удовлетворенно, без малейшего признака сексуального возбуждения смотрел на по-

дуголюю женщину. А та как будто совершала символический акт – пыталась влезть в размеры своего прошлого, когда она еще вполне стройная ходила по улице, а вслед ей свистели слегка выпившие подростки. Неравная борьба продолжалась, платье держалось на месте. В конце концов измученная женщина громко выругалась матом, села на кровать и обреченно вздохнула – платье бессильно повисло на широкой потной спине, как флаг капитуляции в борьбе за молодость.

Антон вздохнул и помог Любе снять злополучное платье с головы. Та благодарно посмотрела на него, и в ее голубых глазах он увидел странную смесь искреннего горя, нежности и обиды. Такой ее взгляд Антон видел всего несколько раз в жизни.

Возникла неловкая пауза, жизненный цикл которой оказался чрезвычайно невелик – Люба отвернулась от мужа и тихо засопела. Буквально через несколько секунд она уже бурчала, что давно пора выходить. В те дни они жили на съемной квартире, на последнем этаже девятиэтажки, а лифт с середины 90-х не работал; чтобы выйти на улицу, нужно протопать по ступенькам изрядные полкилометра.

Любка натянула другое платье – черное в белый горошек. Платье, по фасону гораздо обширнее предыдущего и больше похожее на потертый домашний халат, сразу покрыло ее тело, как чехол горбатую машину. Жена Антона постояла перед зеркалом, покрутила широким задом, осмотрела себя со

спины и с сожалением плотно сжала пухлые губы – она сама себе не нравилась. Потом вздохнула, но на этот раз ее вздох был больше похож на глубокий, из недр души, стон.

Еще минуту покрутилась перед зеркалом, накрасила губы густым слоем яркой, как кровь, помады и обдала себя дешевым дезодорантом, который облаком покрыл ее, все вещи в коридоре, и едкий неприятный цветочный аромат достал даже до Антона, который сидел на стуле в кухне и курил.

– Я готова. Как я тебе? – сказала Люба и повернулась к мужу.

Тот обсмотрел ее с ног до головы – жена выглядела гораздо старше своих 24 лет, у глаз уже виднелись несвойственные возрасту морщины, просторное платье не смогло полностью скрыть полноту, а ярко намалеванный макияж только подчеркивал ее возрастную усталость. Но тогда Антон всего этого не замечал – он любил Любу.

– Ты красивая, мужики будут мне завидовать, – сказал муж и улыбнулся.

– А ты гляди в оба глаза, чтобы не отбили меня, – то ли серьезно, то ли шутя ответила Люба и тоже слегка улыбнулась.

Через час они шли темной улицей к бару «Дубок». Антон поддерживал неумело жену за локоть, ведь он не привык к женской компании. До нее у него не было долговременных любовных отношений, ему никак не удавалось завести знакомство на улице. С Любкой его познакомила Ирина, мама Антона, – та оказалось какой-то дальней родственницей, а

мать видела, как сын мается без женской ласки, вот и решила свести их, пригласила на день рождения. До конца жизни Ирина будет жалеть о своем поступке и мучиться в бессилии их разлучить. Это мучение имело начало, но не имело конца, и гораздо позже Антон поймет свою мать.

А тогда, под вечер в баре традиционно многолюдно. Слышен запах шашлыка, который готовят тут же во дворе, на сценке певица с пропитым хриплым голосом поет о том, как она сядет в кабриолет и уедет куда-нибудь. Бряцает гитара, синтезатор поддерживает ритм в 100 ударов в минуту, а подвыпившие посетители трясут пивными животами между столиков и делают вид, что танцуют.

Антон уселся с женой недалеко от прохода в уборную, которая, кстати, находилась на улице – это обыкновенный деревянный выгребной туалет. Люба опрокинулась на спинку стула и с интересом наблюдала, как за соседним столиком два пьяных мужика спорят о том, что делают «помаранчевые» во власти. Очевидно, спор продолжался уже продолжительное время и был пропорционален двум пустым бутылкам вина.

– Ну, кто эти «помаранчевые»? Западенцы, они толком работать не умеют, все по Польшам и Германиям. И что? Что они для страны сделали? – один из собутыльников махал рукой с зажженной сигаретой.

– Не скажи. Я вот бывал в Прикарпатье – все домики ухоженные, дворы чистые, плюнуть на землю стыдно, ей-богу, –

отвечал второй.

– Так, ты что, за этих «бандеровцев»? – вдруг стукнул кулаком по столу его оппонент так, что пепел с сигареты взлетел в воздух и аккуратно, словно специально, опустился серой тучей в стакан с недопитым вином.

Возникла неловкая пауза. Мужик с сигаретой взглянул в стакан, пальцем попробовал выловить пепел, понятное дело, безуспешно. Повернул голову от стола и как бы сплюнул на пол, а потом залпом выпил пепельно-винную смесь.

Второй с улыбкой наблюдал за неудачливым приятелем, и оба почти забыли, о чем говорили. Так бы мирно и закончилась пьянка двух друзей, если бы не вмешалась Люба.

– Значит, твой друг все-таки не поддерживает Донбасс? – сказала громко она, так, что два собутельника сразу посмотрели на нее.

Антон хотел сказать жене, чтобы не вмешивалась, но та даже и ухом не повела.

– Ты же понимаешь, что он предатель? – сказала Любка и ткнула пальцем в человека, бывавшего в Прикарпатье.

В этот момент стихла очередная мелодия «потому что нельзя быть на свете красивой такой» и по помещению бара расплылась лужей тишина. Мужик с сигаретой подозрительно посмотрел то на Любку, то на своего товарища. Казалось, что сейчас возникнет драка, и непонятно кого будут бить – то ли жену Антона, то ли защитника «помаранчевых».

– Мужики, да шутит она, не обращайтесь внимания, – ска-

зал Антон, пытаюсь разрядить обстановку.

– Почему я шучу? Нет, как раз я серьезна, пусть тот тип ответит за кого он – за наших или за «бандеровцев», – настаивала Любка.

Ее лицо выражало сосредоточенность, словно для нее сейчас решался вопрос чрезвычайной важности.

Мужик с сигаретой насупился. Второй чуть привстал. Антон занервничал. Атмосфера наэлектризовалась.

– Так пусть скажет, как он думает, – не унималась Люба.

– Да помолчи, тебе что, сложно помолчать? – возмутился Антон, но конфликт уже поздно было загасить.

– Я «помолчи»? – отозвалась Люба, обратив свою ярость против мужа, – тот ублюдок пусть ответит за свои слова.

Антон стушевался. Мужики уже забыли о своей перепалке и переключились на Любу.

– Люба, я прошу, помолчи. Пусть люди сами разберутся, – Антон попробовал уговорить жену.

– Да пошел ты! Что ты его выгораживаешь? Он предатель! А ты мурло, что ты сидишь, раскапустился... – закричала в сторону мужа Люба, но ее последние слова поглотила заигравшая очередная песня о разбитой любви.

– Заказывать что-то будете? – в самый разгар скандала к столику подошла молоденькая официантка в джинсах и красной кофточке.

Мужик, куривший сигарету, вдруг заулыбался, второй тоже усмехнулся:

– Ну и телка тебе попалась, она тебе мозги еще не раз изнасилует, – сказал тот с издевкой и опять сплюнул.

Припев песни о потерянной любви заглушил обозленные бормотания Любы, насмешки соседей по столику. Бряцанье музыки и простые, бессмысленные слова песенки поглотили еще кое-что, незаметное для окружающих – нечто глубокое, почти с надрывом, тяжелое в своем разочаровании, боли непонимания, смутного осознания тупика – все это одним выдохом вылетело из души ошарашенного Антона.

Глава 3

В центре Алчевска (Луганская обл.) в субботу, 5 апреля, прошел митинг «Русская весна», передает издание 0642.ua. Издание отмечает, что «митингующие вели себя неуверенно, не могли четко объяснить, с какой целью они собрались». С импровизированной сцены звучали призывы к национализации и социальному равенству. Кульминационным моментом собрания должно было стать торжественное поднятие знамени РФ, но вместо этого участники митинга подняли флаг, похожий на французский, и скандировали: «Россия, Россия!»

Через неделю Антон уже устраивался на шахту. Впрочем, сперва ему предстояло пройти двухмесячные курсы и впервые спуститься под землю. Путь туда начинается с переодевания в одежду шахтеров: робу, портянки, резиновые сапоги.

Кое-как набекрень натянув каску, Антон смело ступил в ламповую – небольшое помещение, где стоят длинные прямоугольные, похожие на шкафы, приспособления для зарядки коногонок – шахтерских светильников. Внизу «шкафов» – углубления для самоспасателей – бочкообразных предметов весом в полтора килограмма. При возникновении пожара в шахте пламя и дым быстро распространяются за

счет узкого профиля горных выработок и вентиляции. В таких ситуациях шахтер должен «включиться»: особым способом надеть дыхательную трубку самоспасателя, закрыть нос прищепкой и надеть очки – иначе его ждет мучительная смерть от удушья. Сколько раз после пожара находили скрюченные тела шахтеров, рядом с которыми не было самоспасателя (таскать эту бандуру тяжело, поэтому самоспасатель часто прячут в выработках, а при выезде выносят на поверхность), либо же шахтер неправильно «включился», и прибор не заработал.

Получив коногонку, респиратор и самоспасатель, Антон двинулся к людским площадкам. В обычном мире это называется «лифтом» – клеть, подвешенная на прочном канате, который ведет к подъемной машине.

Первый спуск для шахтера – «первая брачная ночь». В этот миг ломается представление о мире, состоящем из одной плоскости. Перед человеком вдруг открывается двухмерное пространство. Поверхность и шахта – два противоположных понятия, словно море и суша для моряка или воздух и земля для летчика. В душе шахтера, работающий он или бывший, они останутся навсегда.

– Давайте, ребятки, заходите быстрее, – подгоняла «новобранцев» немолодая «стопорная» – она следила за тем, чтобы все сели в клеть и давала сигнал о спуске или выезде. А «ребятки» жались друг к другу, как уличные котята к мамке.

– Главное, чтобы канат не порвался, а то будут оскребать

нас от стен, – деловито говорил парень, покрытый юношескими прыщами.

– Не бойсь, других пришлют, – хехекнул их инструктор.

Все приготовились. «Стопорная» нажала на сигнал. И Антоново девственное восприятие жизни разорвалось в момент, когда клеть резко рванула вниз, на почти километровую глубину. Уши заложило, ноги задрожали от внезапной нагрузки, а тело приготовилось к удару. Казалось, клеть мчится, падает вниз, словно во чрево неведомого гигантского существа. Этот древний дракон, рожденный во времена, когда на земле только появилась жизнь, поглощал их. Они падали, минуя носоглотку, пищевод, и, кажется, сейчас разобьются вдребезги, упав на дно желудка... Но клеть мягко притормозила, и шахтеры вывалились из нее, как шпроты из банки. Впереди виднелся угрожающий контур темной, словно черная дыра, выработки. Казалось, все фигуры, которые уходят вглубь, пропадают, а свет их «коногонки» проглатывают сгустки мглы. Этот дикий первобытный страх перед темнотой и неизвестностью всегда будет преследовать шахтеров. И даже когда они привыкают к непроглядной тьме, боязнь неизвестности каждый раз преследует их. Может быть, поэтому большая часть работников шахты после смены «идут на “бутылек”» – прикладываясь к трехлитровой банке самогона с минимальным количеством закуси, пробуют залить литрами спиртного это бессознательное пугающее чувство и забыться.

Но для Антона первый день был ознакомительным. Пройдя по выработкам, он с группой таких же новичков собрался на выезд, к людским клетям. Уже направляясь назад, они стали свидетелями того, как в длинной выработке сошел с рельс небольшой (весом 1,5 тонны) вагон. Как говорят шахтеры, забурился. Один из рабочих с помощью подбоины – короткого ствола дерева (обычно это – кусок сосны), «важил»: заведя один конец древесины под колеса, наседав всем телом на другой, таким образом поднимая всю вагонетку на несколько сантиметров. В это время его напарник завел колеса на рельсы, и все – вагон разбурен. Но в момент ваги шахтер, мужик лет тридцати пяти, поскользнулся, и подбоина со всей силы стукнула его по коленной чашечке. Грохот опустившейся вагонетки совпал с глухим криком травмированного – от силы удара коленная чашечка захрустела, как французская булка. Помогать травмированному кинулись все. Антон тянул его на носилках к людской клетке вместе с седым стариком с глубокими морщинами.

– Ты сегодня первый день? – спросил старик и, не дождав-шись ответа, продолжил: – Вот, сынок, на шахте, как на войне: не убьет, так покалечит.

Еще не раз Антон вспоминал того старика... А потом на-чались трудовые будни. В шахте Антон сперва был рабочим: ставил колеса вагонетки на рельсы, тягал лес, защищал ленточный конвейер от ссыпавшейся угольной массы.

Однажды в ночную смену он сидел на пересыпе – кон-

струкции из сваренных листов железа, наподобие желоба, предназначенного, чтобы уголь из одного конвейера сыпался на другой. Двигатели равномерно гудели, темнота обволакивала. Антон сидел, опираясь спиной на распил, свет конюгонки выхватывал из плотной тьмы струящийся угольный ручеек, который с хрустом, шумом и гулом падал с пересыпа.

Самые тяжелые ночные часы для шахтеров – ближе к 4 часам, тогда сильно клонит в сон, организм перестает бороться, а однообразный шум конвейера и ссыпающейся массы полезного ископаемого подобны колыбельной.

И Антон провалился в сон. Именно провалился – так быстро его опутали сети Морфея, что он не успел даже сказать себе вслух: «В шахте спать нельзя». И правда, за сон в шахтных выработках, если поймают, выгонят. Каждую смену в выработки опускаются инженеры по охране труда или, как их называли, «6-й отдел». Дело в том, что в советское время в КГБ существовал «6-й отдел» – он занимался экономической контрразведкой и промышленной безопасностью. Вот шахтеры и обозвали службу охраны труда «гебистами» – уж больно не любили они их.

И все же тогда, в ночную смену, не обращая внимания на опасность быть пойманным, Антон погрузился в сновидение.

Он очутился в степи. Выгоревшие за лето холмы волнами уплывали куда-то в горизонт. Облезшие кусты рваным пятном покрыли ближайшую низину. Справа виднелись ряды

тополей. А слева лента грунтовой дороги, словно брошенная кем-то на поверхность степи, причудливо извивалась, поднимаясь на бугорки, и мягко спускалась в дол.

Темные облака зловеще нависали над степью. Редкие лучи солнца пробивали серый панцирь туч тоненькими струйками. Он стоял на небольшом холме и смотрел в сторону деревьев. Прохладный ветер гладил его лицо шершавыми ладонями. Одинокая птица кружила в небе. Ему нужно было куда-то идти. Антон ощущал эту потребность в ходьбе, какая бывает, когда хочешь заглушить душевную боль. Передвижение помогает сменить не только окружающий пейзаж, но и создает видимость протекания жизни, ее неостановимого движения, растворяет чувство тупика.

Антон хотел сказать себе, куда следует направиться, но не смог. Словно кто-то сдавил его горло. Теперь он не может издать ни звука. В голове потемнело. Беспокойство, что он больше не управляет своим телом, накрыло его, как колпаком. Приступ паники зародился колючим комочком где-то внутри и потом расплылся по всей груди. Это ощущение собственной беспомощности, помноженное на страх неведомого, захватило в плен Антона.

В отчаянии Неделков замычал и побежал вниз с холма в сторону дороги. И вот когда до линии грунтовки осталось полметра, Антон задел ногой булыжник, упал, растянулся всем телом. Лицо его погрузилось в сухую землю. Тяжело дыша, он перевернулся на спину. Пепельные облака ползли

по небу, взбираясь друг на друга, скатывались. От их краев, раздираемых ветром, отрывались куски пепла и серы. Это зрелище очаровывало его. Антон на минутку забыл о своем страхе, всматривался в глубь небес, разглядывал пепельных чудовищ, которые набрасывались в ярости на ближнего своего, хотели растерзать, но зачастую просто обтекали противника.

– Как будто во сне, – вдруг сказал Неделков, даже не удивившись своей возвратившейся способности говорить.

Еще несколько минут он всматривался в воздушное сражение и, когда нагляделся, попытался встать. Приподымаясь, Антон почувствовал тяжесть в животе, словно кто-то привязал к нему тяжёлый предмет. С трудом встал на коленки, потянулся вверх и не смог подняться ни на сантиметр – теперь это тяжелое находилось внутри его самого.

– Черт, этого не может быть, наверное, я болен, у меня опухоль? – сказал он сам себе.

Сделал еще одну попытку и, преодолевая себя, застонал, чуть приподнялся.

Кое-как скрючившись, придерживая руками живот, поплелся по дороге. Антон ощупывал себя и вдруг понял, что живот увеличился в размерах и даже немного выпирает из-под рубашки. Он потрогал пальцами выпуклую окружность и услышал, как кто-то стукнул по стенкам его живота изнутри. В другой бы раз Антон испугался, задрожал всем телом и попытался вырвать чужое из тела, но сейчас на него нахлы-

нул такой покой, и даже – туманное блаженство.

– Это ведь ребенок! – с улыбкой сказал Антон.

Передвигаться вперед уже было не так тяжело. Он пошагал по тропе, изредка вскидывая голову вверх, чтобы поглядеть на проплывающие тучи. И когда ему стало чрезвычайно хорошо – неожиданно живот скрутила дикая боль. Словно кто-то всунул ему лом в кишки и медленно прокручивает в разные стороны – туда-обратно.

«А-а-а, это конец», – подумал Антон и в порыве страдания погрозил кулаком в небо.

И когда боль достигла предела, почти теряя сознание, он почувствовал, как с живота что-то сыпется. Потрогал руками – уголь. Черные куски, как смоль, выпадают из него, как будто его чрево разверзлось на две части и изрыгается угольным потоком. Дикая боль пронзала тело, он стоял посреди дороги, а перед ним образовывалась куча угля. Не в силах больше сдерживаться, Антон орал в небо, чтобы Тот, кто там восседает, помог ему.

Вопль поднимался к пепельным чудовищам, а они словно отбивали его огромными лапами и громко подсмеивались над маленьким человеком посреди степи. Так продолжалось бы еще долго, но внезапно все прекратилось. Чрево закрылось. Поток остановился. Небесные монстры-облака, как ни в чем не бывало, поплыли китами в голубой глади.

Антон плюхнулся на колени. Глубоко дышал и, как казалось ему, еще выплевывал маленькие куски угля. Его рвало,

выворачивало наизнанку. Так продолжалось несколько минут, пока он не пришел в себя. И первое, что увидел – большую угольную кучу посреди дороги. И в ту секунду он осознал, что нечто вышло из него наружу. Как будто он перенес кесарево сечение, и из него достали что-то важное, словно извлекли душу. И потеря находилась где-то в середине кучи.

В неистовстве Антон начал разгребать уголь руками, хватал большие куски и отбрасывал их в сторону. Острые края уголин врезались в его ладони, кровь выступала на коже, а он, не замечая ничего, расчищал дорогу. Он раскидывал кучу, но та не уменьшалась. Подняв большой кусок, Антон отбросил его вправо и краем глаза увидел, как в воздухе уголь рассыпался в пыль, а сильный ветер, дувший на него, подхватил угольное облако и унес куда-то назад. Неделков всполошился. Медленно обернулся – позади него образовалась черная стена в воздухе – ветер вздымал угольные пылинки и относил их в легких потоках, но словно что-то преграждало путь позади, какая-то невидимая преграда. И теперь на том месте возвышалась стена из держащейся в воздухе пыли. Антон замер. Это зрелище заколдовывало. Пылинки плавали в воздухе, плотно сбитые друг к другу. Вся конструкция возвышалась над землей и уходила в глубь неба. И вот даже облака уткнулись носом в стену и, словно огромные животные, недовольно урчали, топтались на месте.

Антон открыл рот в изумлении. Угольная стена колыхалась, как живая. И внезапно она сдвинулась с места. Недел-

ков услышал гул, шуршание миллиардов частей пыльной стены, которая начала передвигаться. Антон свистнул от удивления, все еще замороженный зрелищем, но через полминуты понял – стена надвигается на него. Казалось, ничего ему не угрожает, но скорость передвижения стенки нарастала.

Антон вострепнулся, испугался, медленно отступил назад. И тут споткнулся о кусок угля, который все еще валялся под ногами, тело больно приземлилось на землю, а голова ударилась о другую уголину. Боль разрезала голову напополам, но думать о боли было поздно – черный исполин, шевелящаяся мрачная стена надвигалась и вот уже оказалась в полуметре от него.

– Нееееет, только не это, – закричал Антон, проснулся и вскочил с распила.

Он в шахте. Вокруг темнота. Коногонка вырывает из мглы узкий кусок выработки. Никого нет поблизости. Это сон. Прерывисто дыша, он оперся о конвейер. Угольная река все так же перетекала на пересыпе. Монотонность гула двигателей успокаивала. Образы сна медленно растворялись в глубинах сознания.

До конца смены Антон больше не спал. А когда пришел домой, первым делом захотел подойти к Любе, та должна была вот-вот родить. Он вошел в квартиру, в спальней комнате валялись неприбранные вещи. Кровать растелена. Антон снял одежду и натянул домашние штаны. Вытянул мокрое

полотенце, которым вытирался в шахтной бане, и повесил его на батарею. Положил мыло на подоконник – сушиться. Люба сидела на кухне и курила. Антон молча подошел к ней, прислонился к ее животу и услышал, как внутри ее утробы, будто на другом конце вселенной, стучит чье-то сердце – еще незнакомое, но уже родное. Такого чувства бесконечного родства он не испытывал никогда. Так продолжалось почти минуту. Ошарашенная Люба смотрела на полуголого мужа, который сидел на корточках и прислушивался к миру, который покоится в ее животе. Никто ничего не говорил. Тишина оплела их своими путами. Словно два, нет, три человека соединились в одну цепь мироздания, круг, который замкнулся. И никто на целой планете не хотел разрывать это единение. Обычно хмурая Люба удивленно улыбнулась.

Глава 4

В Луганске сепаратисты захватили здание Луганского областного совета. Они разбили окна на первом этаже и прорвались в здание. А после милиция Луганска отступила от здания облгосадминистрации и облсовета и направляется в оружейную воинской части для сдачи оружия. Ранее под ОГА в Луганске один из правоохранителей вышел к сепаратистам. Он представился полковником Сергеем Осиповым и сообщил, что его полк находился в здании ОГА для охраны порядка.

Также он сообщил сепаратистам, что выводил «окровавленных и обожженных» своих бойцов с Майдана в Киеве. После переговоров с захватчиками здания Луганской ОГА полковник частично согласился на требования сепаратистов.

Сепаратисты не пошли на компромисс и потребовали, чтобы правоохранители немедленно сдали оружие, которое они собираются опечатать.
Сайт НБН, 26.04.2014 г.

На следующей неделе Антон напился. По шахтной традиции новичок, поступивший на работу, выставляет коллегам «бутылек» – трехлитровую банку самогона. Обычно после смены шахтеры выезжали на поверхность и шли в ближайшую посадку (если дело не происходило зимой), чтобы выпить. Тормозки перед спуском в шахту оставляли на поверх-

ности, ведь нужно чем-то закусить.

Перед работой Антон зашел в нарядную – там горный мастер дает сменное задание и заставляет расписаться в журнале по правилам техники безопасности. Но как только Неделков зашел в кабинет, к нему почти сразу подскочил Костя, тридцатилетний худощавый мужик с картавым голосом.

– Ну, как, Антошка, принес? – спросил он и, улыбаясь, подмигнул.

– А куда я денусь с подводной лодки, – отвечал Антон.

Через десять минут звено шахтеров вывалилось гурьбой из нарядной и первым делом – на перекур. На приступах комбината стояли несколько десятков человек, дым поднимался клубами, Антон за компанию стоял среди товарищей, не курил, прислушивался к разговорам.

Он работал на шахте почти месяц, а все никак не мог привыкнуть к матам, которыми мужики не ругались, а разговаривали. Отец, хотя и выпивал, никогда не ругался при детях. Антону было немного не по себе, меньше всего хотелось казаться, что он не такой, как все. Поэтому он начал вступать в разговоры, ругал «помаранчевых», материл Ющенко. Незаметно для себя, он переступил какую-то невидимую грань, за которой навсегда оставил прежнего себя. А окончательно понял это в тот день.

Смена выдалась как назло тяжелая. Его послали не сидеть на пересыпе, а вместе с тремя мужиками вытаскивать из заброшенной выработки старый двигатель с насоса. Вместе с

Антоном пошел Костя и пожилой мужик, лет под пятьдесят, имени его Неделков не знал. Мужик только кряхтел, когда поднимались вверх по наклонной выработке, Костя без умолку тархтел об армейских годах, а Неделков помалкивал, как будто пытался поймать, запомнить, запечатлеть себя именно в этот миг, наверное, предчувствуя, что проходит свою точку невозврата.

Для того чтобы вытянуть двигатель, им пришлось пройти 800 метров по выработке с большим углом падения. Потом они свернули направо и вышли на штрек, горизонтальную выработку. Прошли еще километр, из которых половина без рельсового пути. К тому же часть «погашена» – арочная крепь демонтирована: куски породы угрожающе свисали над головой. Так часто происходит – общая протяженность выработок в шахте достигает 100 км, поэтому, когда угольный пласт истощался, почти все оборудование забирали. Но иногда кое-что забывали в спешке. Так и в этот раз. Еще немного, и рабочие приблизились к месту назначения.

– Мужики, осторожно, смотрите вверх, чтобы породой не накрыло, – внезапно подал голос пожилой кряхтун.

– Не бойсь, батя, я такого уже насмотрелся, видел бы ты мою жену, после нее черт не страшен, – пробормотал Костя и уверенно шагнул в темноту.

Впереди несколько сот метров, похожих на природную пещеру. Неровные, словно погрызенные, стенки штокола оцетинились острыми краями многокилограммовых туш пород-

ных кусков и свисали, как будто тела свиней в морозильнике. Прогнившие доски валялись на почве, белесый мох свисал с кровли, а большие темные лужи перегородили путь.

– Давай, братва, за мной, – приговаривал Костя и опасливо поглядывал на угрожающе нависшие пласты породы.

Пожилой мужик шел вторым, а Антон замыкал шествие. По колено в воде, растапывая грязь, прыгая по островкам суши, троица передвигалась в глубине земли. Через двадцать минут справа в штреке показалась щель, высотой около метра. Это печь, небольшая выработка длиной 10–20 метров, которая перпендикулярна другой выработке – просеку, подобному печке, но гораздо длиннее.

– Прибыли, ведро пота сошло, пока дошли, как будем тянуть эту бандуру, ума не приложу, – сказал пожилой и снял каску, почесал голову.

Костя подошел к печке и осветил мглу светом коногонки – стойки удерживали сечение, хотя кое-где и кровля зияла пустым пространством.

– Э, блин, да двигатель в просеке, ни лебедки, ни хрена, нужно волоком вытаскивать, – недовольно сказал он.

– А ну ка, дай мне, – пожилой взобрался на распил и озарил печку электрическим светом. Потом неодобрительно закричал, обратился к Антону:

– Давай, сынок, полезай, посмотри далеко ли он лежит.

Антон слазил в печь – двигатель лежит недалеко, решили найти кусок каната и вытащить его волоком. Через ми-

нугу Костя тоже протиснулся в печь, одновременно матеря начальника, директора, президента и бабуку с третьего подъезда, которая не дала ему самогон в долг. На пересечении печки и просека лежал двигатель весом 70 кг, двоим его под силу вытянуть. Канат закрепили на двигателе – Костя тянул, Антон подталкивал сзади. Все шло как по маслу. Но у само-го выхода из печи нужно было проползти место, где не было стоек – кровля оголена, и тонкие пласты породы отслаива-лась, как слои пирога.

– Давай, мать твою, видишь, зацепился, дави, – орал Костя на Антона, а сам тянул канат спиной к выходу.

И он ударился о стойку, та упала, пластишки из кров-ли ссыпались, подняли облако пыли, а кусок породы, весом примерно в десять килограмм, острым концом вонзился в руку Кости.

– Мать твою, а, – почти моментально вскричал шахтер. Руку распорол до кости, кровь заливала робу. Антон поспе-шил ему на помощь, а когда подполз, то увидел травмиро-ванного, который стонал и ошарашенно смотрел на рану.

Кровь хлестала, как будто из крана. Виднелась кость. Неделков вытаращился на красные потоки, организм отреа-гировал мгновенно, и тошнота подступила к горлу. Столько крови он никогда не видел. Подоспел пожилой кряхтун.

– Елки-палки, как же ты так? – озадачился на секунду му-жик, но буквально через мгновение продолжил: – Антон, рви рубашку, нужно срочно перевязать!

Но Антон никак не реагировал. Он смотрел, как краснота растекается ручьем по ткани, словно жизнь вытекает из разодранного тела. Эта рана – жизнь наизнанку, вывернутое бытие, тайна, разгаданная рваной плотью.

– Рви, сука, что ждешь? – повторно заорал шахтер.

Антон дрожащими руками стянул рубашку и оторвал два рукава.

– Дай сюда, – мужик вырвал рукава у Антона и сам перевязал рану Кости, приговаривая со злостью: – Понабирали пацанов, молоко еще не обсохло, а туда же.

Костя сдавленно стонал, а Антон оперся спиной на стойку и не мог прийти в себя. Оставшееся время смены они с мужиком тянули двигатель, привязанный на подбое. Через каждые пятнадцать минут отдыхали. Костя плелся позади, кровь алыми пятнами проступала сквозь намотанную ткань. Пару раз Антон подходил к нему, спрашивал, как он, но Костя отмалчивался, кивал головой, что нормально.

Уставший, изнеможенный, обессиливший Неделков выезжал из шахты в тяжелом настроении. Ему казалось, что за несколько часов он повзрослел на несколько лет. В клетке мужики обсуждали травму, но никто и не думал отменять бутылек. Наоборот, говорили, что нужно снять стресс, проспиртовать организм от микробов. Костю отправили в медпункт, а остальные пошли пить.

На поверхности после бани звено стояло кругом в лесопосадке, посередине трехлитровый бутыль самогона, нехитрая

закуска – сало, огурцы, лук, вареная картошка. Пожилой мужик, который помогал Антону нести двигатель, громко рассказывал, как получилось, что Костю травмировало.

– Давай, пацан, выпьем за тебя, теперь ты по-настоящему понял, что жизнь, как стакан водки, бац – и разбилась, – с улыбкой сказал он, протянув полный граненый стакан самогона.

– Мужики, да я не испугался, правда, – оправдывался Антон, но никто его уже не слушал. «Бутылек» быстро все превращает в базар. Голодные, уставшие шахтеры почти моментально пьянели, разговоры становились все громче, кто-то уже задирался к соседу.

Неделков захмелел. Он сел на корточки, устало ел вареное яйцо. В голове помутнело. Немного расплылась картинка. Шахтеры все сильнее гомонили. В висках стучали молотком воспоминания, но постепенно происшествие в шахте затуманивалось. Ему подливали. Он пил, ноги стали подкашиваться, сознание медленно уходило в туман. Последнее, что он помнил, так это пожилого кряхтуна, который кричал ему в лицо, что он стал мужчиной.

К дому шахтеры его подвели под ручку, но подняться наверх Антон так и не смог – заснул на лавочке перед подъездом.

Утром Артем кое-как доковылял до 9 этажа и понял – нужно менять место жительства.

Зарплата обычного рабочего – 2–3 тысячи гривен. Квар-

тиру снимать дорого, поэтому Неделковы за копейки взяли в аренду в пригороде давно требующий ремонта частный дом.

А и с работой нужно что-то решать, третьего члена семьи на такие деньги не прокормить. Поэтому Антон через два месяца перевелся ГРОЗОм (горнорабочим очистного забоя) на работу в лаву – горную выработку высотой обычно от метра до полутора. Там добывают уголь, который транспортируется по соединенным рештакам, похожим на железные корыта. Они десятками соединены друг с другом в сплошное узкое железное полотно, по которому тянется цепь конвейера с планками, цепляющими добытый уголь. А по большой цепи волоком двигается комбайн. Это продольный прямоугольный механизм с выступающими за корпус шнеками – крутящимся куполообразным устройством, на конце которого находятся специальные режущие коронки. Шнеки вгрызаются в угольный пласт, уголь осыпается на конвейер, который дальше по цепочке отправляет черное ископаемое на поверхность.

Сказать, что это сложная работа – ничего не сказать. Все делается, как говорят шахтеры, «пердячим паром»: мужики вручную тягают железяки по 100–300 кг, переносят распиленные по 1,5–2 метра стволы сосны (шахтеры называют их просто – лес), зачищают тонны породы и угля обычной лопатой. В лаве вентиляция почти всегда хуже, чем в остальных выработках: бывает, она находится на исходящей шахтной струе воздуха.

Первое время спуск в шахту Антон воспринимал как очередное погружение подводной лодки в морские пучины. Это ощущение не сравнить ни с чем. Когда он пересекал черту «поверхность-шахтные выработки», в голове будто срабатывал какой-то тумблер: внутреннее состояние менялось, словно по щелчку.

Первая стадия – борьба с темнотой. Так было всегда, когда Антона посылали в глубь старых выработок. Ему всегда казалось, что вот-вот потухнет лампа – и что он будет делать тогда? Как выберется, если ближайшие к нему люди работают в пяти километрах? Неизвестность попеременно с боязнью потонуть во мраке всегда страшила его. И вот теперь в шахте – и неизвестность, и океан мрака, и вероятность утонуть в нем. Антону приходилось брать волю в кулак, чтобы успокоиться. И даже спустя годы это тревожное чувство продолжало колыхаться где-то в глубине его души. Второе положение невидимого тумблера – опасение стать белой вороной, не таким, как все. Поэтому Антон старался сделать все, чтобы не дать никому повода обвинить его в том, что он «отбивается от коллектива»: ходил на «бутылки», а потом под руки провожал своих товарищей до дома, работал на износ, без конца матерился. Думал, как шахтер, и жил, как шахтер. Это превращение произошло для него незаметно, даже вопреки – ведь он не оставлял желания стать художником.

Со временем Антон привык к адским условиям. Температура в забое – под 40 градусов, и он опускался в шахту с дву-

мя двухлитровыми бутылками с замороженной до состояния льда водой. Пока доходил до забоя, лед полностью таял. Из-за этого пекла у мужиков в шахте часто идет кровь из носа, нередко они падают в обморок.

– Когда попадем в ад, будем считать, что пришли на смену, – смеялись чернолицые работники подземелья, поедая обеды из «тормозков».

У всех ГРОЗов к сорока годам развивается силикоз. Угольная пыль, смешиваясь с влажной средой легких, затвердевает, словно булыжник, выросший внутри. Бывали случаи, когда окаменевшее легкое у шахтера отрывалось, и тот мучительно умирал... А при вскрытии хирургический нож стучал по легким, будто по обычным камням. А сколько смертей в самой шахте! Жестоких, как в самых страшных голливудских «ужастиках»: бывает, человека наматывает на шнек, и все его внутренности, кишки, куски кожи, остатки лица еще долго собирают по всей выработке... Такие случаи шахтеры помнят всю жизнь и зачастую вспоминают погибших за бутылком.

Однажды Антон шел по заводненной шахте. Сапоги хлюпали по воде, жижа разбрызгивалась в стороны. Он должен был зайти в отдаленную выработку, где мужики запрятали инструменты. Шахтеры довольно часто воруют их друг у друга, так же, как и робы, и сапоги в бане. Именно поэтому грязную и чистую одежду еще на поверхности, в бане, закрывают в ящике на замок, а в шахте клеваки – ключи – за-

капывают в почву или по бокам выработки.

Идя по тоннелю, Антон увидел, как впереди замелькал свет, будто кто-то махал головой. Так иногда бывало – в темной выработке единственный способ сообщить что-то находящимся далеко товарищам – махнуть головой с включенным светильником. Два кивка означают «тяни, включай лебедку», кивки по сторонам – «выключай», по кругу – «иди ко мне». Вот нечто круговое было и сейчас.

– Да он что, пьяный? Машет головой, как припадочный! – возмутился Антон. Он иногда разговаривал сам с собой, оставаясь наедине, – слишком долго тянулась смена.

Буквально через несколько секунд он понял причину «припадка»: шахтера било током. В шахте вагоны, лес, оборудование тягают специальные электровозы. По виду они похожи на трамвай – посередине пантограф, который питается через контактный провод – траллею. Этот провод подвешивается на растяжках и тянется по горизонтальным выработкам с двухметровым сечением. Напряжение на траллее неслабое – от 250 В постоянного тока. Достаточно, чтобы убить человека.

Бедняга шахтер зацепился за контактный провод длинной арматурой, и теперь его телепало, как пьяного подростка на дискотеке. Еще немного – и сердце не выдержит нагрузки, а беспорядочное сокращение мышц может в лучшем случае привести к перелому. В худшем – свернуть шею. Мужик болтался, как тряпичная кукла, и тупо мычал.

– Держись, я быстро, только чуть-чуть продержись! – крикнул Антон и со всей силы стукнул распилом – деревянной доской – по его груди.

По-шахтерски это называется «отбить»: сильный удар по человеку позволяет ему оторваться от притягивающей его электрической дуги. Раздался хлопок, похожий на взрыв пестарды. Мужик отлетел на метр и плюхнулся в большую лужу посреди выработки. Это падение запечатлелось в памяти Антона замедленной съемкой: серое тело отлетает назад и падает в воду, производя взрыв в мутной луже, каска слетает с головы, свет коногонки откидывается назад и слепит ему глаза, глухой стон пострадавшего словно растягивается во времени.

На деле же все произошло быстро: бах – и мужик «отбит». Антон протянул ему руку:

– Как ты там, живой?

Страдалец, тяжело дыша, кивнул головой, поправил каску и присел. Пару минут они просто молчали. Один замер, сидя на распиле, только слегка подергивался свет от его лампы. Второй возвышался над ним, как дерево в донбасской степи.

– Как зовут тебя, друг? – спросил спаситель.

– Николай Николаев, – смущенно ответил тот.

Антон подыскивал слова, перебирал их, словно руками, стараясь найти более удачную шутку, но в голову ничего дельного не лезло:

– Ну и угораздило тебя, Николай Николаев! Идти мо-

жешь?

– С трудом, – проговорил Николаев и оглянулся, словно искал кого-то еще. Но темнота покрыла даль выработки, ни зги не видно, и только один незнакомый ему мужик пытался чем-то помочь.

– А как тебя зовут? – спросил хрипловатым голосом Николаев.

– Антон я. В детстве страдал из-за имени. С тех пор ненавижу картошку, – пошутил Неделков.

Николаев усмехнулся, а потом медленно, растягивая слова, произнес:

– Никогда не забуду, что ты сделал, Антон.

Оба шахтера присели на подбоину передохнуть. Тишина пыталась растворить их в себе, но капли, падающие с «замка» на противопожарной трубе, звонко разбивались об какую-то железяку и тем самым методично нарушали эту пресловутую тишину.

– Как живешь, женат? – ради поддержания разговора сказал Антон.

– Да, женат. И дети есть. Мама у меня больная, лежачая, отец еле ходит – ему под восемьдесят. Я поздний у родителей. А ты женат? Хорошо живете? – спросил Николай.

Антон замялся. Ему хотелось сказать, что да, но брак с Любой давал первые трещины. Поэтому он промолчал.

– Скоро ребенок родится, – похвастался он. – Жду его. Знаешь, дети – это ведь продолжение нас самих. Я бы хотел,

чтобы в моей дочке или сыне жил я. Они продлили бы мое существование.

– Э, брат, ты загнул, – с улыбкой ответил Николай. – Дело в том, что дети – это так же естественно, как снег зимой. Как тебя зима будет продлевать?

Антон не понял метафоры. Он вообще привык к простым словесным формам. Его собеседник заметил смущение.

– Помоги выехать на поверхность, – сменил тему Николай.

И больше двух часов они, приобнявшись, ковыляли по грязи, пыли, воде, разливающейся из сточных канав. И все это время травили байки, обсуждали нити и узлы запутанного клубка жизни.

Еще несколько раз они встречались в шахте при спуске-выезде. Обычно люди толпятся на посадочной – ждут клеть и встречают опустившуюся следующую смену. Антон видел Николаева, пару раз перекидывались фразами. А однажды они встретились в комбинате – Неделков спешил на автобус, но, увидев друга, с радостью обнял его. Со стороны могло показаться, что они братья.

Антон искал среди шахтеров некое родство, словно ощущал себя выброшенным на берег пустынного острова. Эти мысли не давали ему покоя, каждый день, подходя к узкой щели лавы, видел темное пространство, изъеденное лучами от светильников шахтеров. Эти блуждающие огоньки казались ему судьбами людей, которые лихорадочно метались

в поисках себя. Приходя домой после смены, он запирался в чулане и доставал холст и краски. В голове перемешивались силуэты, свет, полутени, грубые чумазые лица. Антон на несколько минут замирал, потом брал кисть и, размахивая ею, ощущал себя птицей, летящей в дырявой пене облаков. На холсте с помощью размашистых мазков появлялся удивительный темный мир, в центре которого был пожилой мужчина – герой древней шахтерской легенды Шубин, в 1950-х пропавший в выработках. Теперь о каждом стуке и грохоте в шахте работники говорят: «Шубин идет».

На картине Антона мужик с грубыми руками и жесткими чертами лица застыл в проеме выработки. Свет его конюгонки выхватывает ржавую арку и серые доски, укрепляющие бока выработки. Мужчина смотрит вдаль, словно пытаясь найти выход, но дальше, чем простирается свет лампы, уйти не может. А вот автобус на шахтной площадке – из него выходят шахтеры в грязных робах с безразличными усталыми лицами. Один из них – Николай Николаев, спасенный Антоном в шахте. Ему, побывшему на грани смерти, словно известно что-то, недоступное другим. Остальные идут вереницей, а сбоку пятилетний мальчик с мячом в руках внимательно рассматривает мужчин, будто наблюдая за своим будущим.

В таком стиле Антон стал рисовать недавно. В детстве его работы были полны цветов, оттенков, полутонов, но со временем он стал изображать мир таким, каким его видит –

темным и однотонным. Его холсты все больше походили на поздние работы отца.

Но, несмотря на появление новых картин, каждая попытка поступления в университет сопровождалась скандалами: зачем, мол, тратить деньги? В Луганск на экзамены он ехал с тяжелым сердцем и приезжал обратно со свинцовым слитком в душе, предчувствуя, что снова ничего не вышло. И каждый раз между ним и Любой снова разгоралась ссора. Тлеющий костер их затяжного конфликта вспыхивал все чаще уже без особого повода. В их отношениях расплзались тонкие трещины вражды и непонимания.

Часто Любка с ним не разговаривала. Когда он вернулся с Петровичем с митинга, на котором ждали «бандеровцев», то молча прошел в свою комнату и только под вечер рассказал жене о происшествии. Круглолицая Любка, чьи толстые ляжки выпадали из цветастого халата, курила, сидя на деревянном обшарпанном стуле, а Антон засыпал печь углем и коротко описывал произошедшее днем.

– Дурачки, которым ничего делать, – стряхнув пепел с сигареты, деловито подытожила его рассказ Любка.

Глядя, как частички пепла падают на оголенное бедро жены, Антон на минуту задумался: поспорить с ней или заняться сексом.

Глава 5

По Ровенькам поползли слухи, что на шахтный динамитный склад прибыло пять автобусов с вооруженными «бандеровцами». Окружив территорию, они якобы грузят взрывчатку в автобусы и могут взорвать мосты в городе. К месту происшествия с благородной целью спасти родину устремились десятки ровенчан. Но ехали они из разных концов города и поэтому, встретившись у склада, друг в друга увидели приезжих «правосеков». Завязалась драка – стенка на стенку: били, кто кого хотел. К счастью, вовремя остановились и пошли дальше искать «бандеровцев». Тормозили машины, обыскивали проезжающих, копались в вещах. Одна фура не остановилась – еще бы, среди дороги стоят мужики с дубинками и машут руками, как сумасшедшие. После кратковременной погони фуру догнали, а шофера-дальнобойщика изрядно побили, разгромили машину, повредили груз. Приехавшие гаишники опешили – «правосеков» нет, водитель в отключке, нужно возбуждать дело. Но против кого? Повсюду шатаются «кавалеристы» с георгиевскими ленточками, защитники отечества.

Журнал «Новое время», 10.05.2014 г.

Прошло полмесяца. В город так и не вошли украинские войска, зато в начале мая со стороны Ростова-на-Дону тай-

ком въехали несколько десятков казаков Всевеликого войска Донского. Въезд состоялся поздно ночью и никак на торжественный не был похож: ни коней, ни тачанок – под плотным покровом темноты и по проселочной дороге въехала пара «Жигулей» да обшарпанный ЗИЛ. Зато уже через несколько дней уездный городок лихорадило, как местного алкаша после получки. На центральной площади возле горисполкома, ближе к аллее из пушистых молодой зеленыю каштанов, стояло три десятка человек. Большие динамики надрывались от старых советских песен, красные флаги переплелись от ветра в причудливые складки, а рядом в руках пропитого мужика развевался новый стяг – знамя «Луганской народной республики».

Микрофон переходил из рук в руки. Каждый второй в различных вариациях повторял выкрики типа «фашисты пришли к власти в Киеве», осуждал «хунту» и приверженцев Евромайдана, утверждал, что «Донбасс должны услышать», и вопрошал, почему капуста так подорожала. Когда концентрация лозунгов в мозгах ровенчан достигла пика и, казалось, уже ничто и никто не смогут их удивить, появился он. Расталкивая зевак, решительно, как Ленин к броневнику, к микрофону подошел мужчина лет пятидесяти с короткими седыми волосами и серьезным, озабоченным лицом, какое бывает только на допросе у следователя. Зеленая камуфляжная куртка казака, накинутая на плечи, развевалась от ходьбы, как плащ средневекового рыцаря. Казалось, эта карти-

на достойная того, чтобы ее запечатлел какой-нибудь местный фотограф, а затем опубликовал в местной же газетенке с подписью «Мистерия пришествия» или «Вышел из народа». Впрочем, фотографа поблизости не оказалось, и незнакомец, не спеша подойдя к микрофону, повернулся к толпе, по-военному расставил ноги в штанах цвета хаки. И призвал к тишине, подняв одну руку. Толпа не утихала. В ответ незнакомец глянул угрожающе и, наверное, даже несколько таинственно. Весь его вид внушал какой-то страх, и только пара красных кроссовок с синими длинными шнурками указывала на земное происхождение «супермена».

– Зна-ачи-ит та-а-а-к, – растягивая звуки, произнес мужик. – Теперь я – военный комендант города, и вся власть переходит ко мне.

Митингующие в едином порыве умолкли. Гражданин с флагом как-то уныло его опустил, бабушки резко зашуршали пакетами. Все напряглись и ждали продолжение речей неведомого коменданта. Равнодушным заявлением «супермена» оставило лишь местного пса Черного – он невозмутимо продолжал бороться с блохами, сидя под ближайшим каштаном и беспечно посматривая на толпу.

По-медицински стерильную тишину нарушила самая смелая тетка в синем берете:

– А как зовут-то тебя, милоч?

Смерив тетю сверлящим взглядом постаревшего Кашпировского, самоназначенный глава всея Ровеньки отчеканил:

– Называйте меня Ильич.

Утомленные киевскими новостями о Майдане и провинциальной скукой, ровенчане восприняли приход военного руководителя с азартом. А тот развернулся во всю казачью душу – веселил народ, как мог. То мобилизацию объявит, то «правосеков», членов национально-патриотической группы «Правый сектор», изловит. То устрашит приходом англосаксонских войск. В глубине души комендант понимал: никаких англо-саксов в Ровеньках нет.

– Ну, зачем англичанам и жителям города Саки воевать вместе? Где логика? Нету, то-то и оно, – размышлял комендант скучными ровенковскими вечерами.

В общем, отрывался Ильич, как мог – напивался до потери сознания, баб щупал, а то и вовсе грозился дойти до самого Киева и повесить всех на тополе – чтобы «нарядно было».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.